

О. Н. СЕЛИВЕРСТОВА

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДИКАТИВНЫХ
ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛОМ *БЫТЬ*

1. Акад. Щерба писал о том, что создание адекватных словарей и грамматик составляет одну из самых главных и самых сложных задач лингвистики. Он полагал, что кроме трудностей, возникающих при решении любой истинно научной проблемы и связанных прежде всего с извлечением общего из частного (получение адекватного описания языка строится на выведении из данных в опыте фактов речи общего, т. е. того, что принадлежит языку), сложность поставленной задачи заключается в отсутствии ясного представления о том, какими в идеале должны быть эти словари и грамматики¹. В настоящее время лингвисты выдвинули большое количество гипотез о сущности языковых единиц и методах их синхронного описания. Эти гипотезы частично исключают, частично дополняют друг друга и частично перекрещиваются. Различия их обусловлены разным пониманием самого содержания понятия языкового знака, иногда же касаются главным образом методики исследования. Для оценки справедливости выдвигаемых гипотез необходимо применить их к всеобъемлющему описанию данных в опыте фактов речи. Это условие почти никогда не выполняется в современных теоретических работах: лингвисты чаще всего отбирают только отдельные наблюдаемые факты, иллюстрирующие те или иные положения их теории. В настоящее время задача состоит в том, чтобы на основании разрабатываемой теории попытаться получить такое описание выбранных для исследования единиц, которое могло бы объяснить и предсказать все те особенности их употребления в речи, которые диктуются языком и речевой нормой². Осуществление этой задачи позволит не только проверить истинность разрабатываемой теории, но и получить конкретные результаты, которые впоследствии будут использованы в построении будущих словарей и грамматик. Такая задача ставилась и в предлагаемой статье. В качестве объекта исследования были выбраны два вида предикативных притяжательных конструкций русского языка, а именно: притяжательные предикативные конструкции, построенные с помощью слова *есть* и нулевой формы глагола *быть*. Для удобства дальнейшего изложения представим анализируемые конструкции в виде символических записей «у X есть Y» и «у X Y».

Выбор пути исследования строился на предположении о том, что для получения исчерпывающего семантического описания достаточно установить следующее: 1) ту информацию, которая передается языковым знаком о денотате (эта информация составляет смысловую часть значения); 2) стилистическую характеристику описываемого языкового знака; 3) его экспрессивную или эмоциональную характеристику; 4) конфигуративные

¹ Л. В. Щерба, Очередные проблемы языкознания, «Избр. работы по языкознанию и фонетике», I, Л., 1958.

² Те особенности употребления, которые являются следствием того или иного осмысления денотата и которые необязательны для разных говорящих, не должны предсказываться в лингвистическом исследовании.

признаки (т. е. различные особенности в лексической и синтаксической сочетаемости, не объясняемые смысловым содержанием данного знака); 5) особенности в денотативной отнесенности, не предсказываемые однозначно той смысловой информацией, которая передается через означающее данного знака, при условии, что эти особенности обязательны для всех носителей данного языка или по крайней мере для достаточно больших групп говорящих.

В соответствии с принятым подходом исследование должно начинаться с установления той информации, которую слово или другая языковая единица передает о своем денотате. Эта информация предсказывает логически возможную сочетаемость исследуемого языкового знака с другими языковыми знаками. Поэтому цель, которая ставится во многих современных работах — перечислить все возможные окружения исследуемой единицы, — представляется методологически неоправданной. Необходимо установить только те дополнительные ограничения, которые язык накладывает на потенциально возможную сочетаемость языкового знака. Так, установив, о каком именно цвете сообщает слово *коричневый*, было бы излишне перечислять все существительные, определением к которым может служить это прилагательное. Достаточно указать только на то, что прилагательное *коричневый* не может сочетаться с существительными *глаза* и *волосы*, несмотря на то, что денотаты этих слов могут иметь коричневый цвет.

Денотативная отнесенность языкового знака также является функцией от его значения: языковой знак обозначает те элементы действительности, свойства которых соответствуют информации, заключенной в данном знаке. Однако внеязыковая действительность не всегда однозначно членится с точки зрения тех признаков, о которых сообщает тот или иной языковой знак. При этом речевая норма может допускать какое-либо одно осмысление таких «двусмысленных» элементов внеязыковой действительности, несмотря на то, что с логической точки зрения возможно и другое осмысление. Вследствие этого денотативная отнесенность двух языковых знаков с одинаковым значением может совпадать не полностью. В настоящее время многие лингвисты обращают внимание на расхождения в денотативной отнесенности слов разных языков. Поскольку, однако, в начале их исследований далеко не всегда устанавливаются значения анализируемых единиц, отмечаемые ими расхождения могут объясняться и разным осмыслением денотативной ситуации, и нетождественностью значений сравниваемых единиц³.

Исследование проводилось методом компонентного анализа. Этот метод позволяет раскрыть как общие признаки, которые имеют члены данной языковой системы в целом или некоторой частной подсистемы, так и признаки, определяющие отличия одной подсистемы от другой или других или одной индивидуальной единицы от других⁴. Полученные результаты про-

³ Несовпадение значений слов или других единиц разных языков может рассматриваться как следствие неодинакового осмысления действительности лишь в историческом плане, с точки зрения формирования этих значений. Образовавшиеся значения, являясь элементами системы языка, сами составляют лингвистическую причину, которая и распределяет в основном денотативную отнесенность языковых единиц. Поэтому при рассмотрении проблемы соотношения языка и действительности представляется необходимым выделять два разных аспекта: 1) использование в речи существующей языковой системы для описания внеязыковой действительности; 2) отображение внеязыковой действительности в системе значений данного языка. Эти два аспекта часто не различаются при рассмотрении вопроса о соотношении языка и действительности. См., например: В. Г. Г а к, К проблеме соотношения языка и действительности, ВЯ, 1972, 5.

⁴ Подробнее о методе см.: «Теория речевой деятельности», М., 1968, ч. III, гл. II; а также: О. Н. С е л и в е р с т о в а, Семантический анализ слов типа *все*, *all* и типа *кто-нибудь*, *some*. КД, М., 1966.

верялись на информантах с помощью той методики, которую Л. В. Щерба назвал применением эксперимента в языкознании⁵.

2. Исследование материала показало, что конструкция «у X есть Y» сообщает о наличии, существовании Y у X. Напротив, конструкция «у X Y» может передавать информацию о том, какой именно Y имеется у X или точнее — члену какого именно класса тождествен тот Y, который есть у X. Например, вопросы типа: *Что у тебя в кармане? Что у тебя в руках?*, которые, очевидно предполагают знание того, что у адресата речи есть что-то в руках, в кармане, могут быть построены только по модели «у X Y». Цель этих вопросов — установить, что именно есть у адресата речи. Напротив, если говорящий вообще не знает о наличии Y у X, он задает вопрос со словом *есть*: *У вас есть что-нибудь в кармане? У вас есть что-нибудь в руках?* Ср. также: *Кто у вас?* и *У вас кто-нибудь есть?* Та же закономерность распределения данных моделей наблюдается и в других типах высказываний. Например, если говорящий знает, что у некоторого лица есть машина, но хочет узнать о тех или иных свойствах этой машины, он построит свой вопрос по модели «у X Y»: *У него хорошая машина? У него «Москвич»?* и т. д. Напротив, нельзя задать вопрос типа *У вас дочь?*, если спрашивающий заранее не знает, что у адресата речи есть дети. Подобный вопрос был бы естествен лишь при наличии предварительных сведений о существовании детей данного лица. В вопросе типа *У него брат или сестра?* говорящий уже знает, что существует лицо, имеющее тех же родителей, что и X, но хочет уточнить, относится ли это лицо к мужскому или женскому полу.

Одним из следствий информации о существовании является неупотребляемость в конструкции «у X есть Y» определений, обозначающих такие свойства Y, о которых обычно сообщают, уже зная о наличии Y у X. Например, в предложении *У вас есть дочь?* обычно нельзя добавить определение *хорошая*, так как маловероятно возникновение такой ситуации, при которой говорящему важно было бы установить наличие у X именно хорошей дочери. Ср., напротив: *У вас есть дети дошкольного возраста?* (есть такие ситуации — например, устройство в детский сад, при которых спрашивающего интересует именно наличие детей дошкольного возраста; существование детей других возрастных групп несущественно).

Одна и та же денотативная ситуация иногда может быть осмыслена разными говорящими по-разному с точки зрения известности — неизвестности наличия качественно неидентифицированного Y у X. Например, можно сказать: *Что я вижу! У вас есть седые волосы* и *Что я вижу! У вас седые волосы*; *О да у вас есть горный хрусталь* и *О, да у вас горный хрусталь*. Предложения со словом *есть* предполагают, что говорящий до акта речи вообще не видел, не замечал Y. Напротив, предложения с нулевой формой сообщают о том, что говорящий до описываемого момента не отождествлял Y с членами данного класса, хотя, возможно, и видел его.

Конструкция «у XY» является немаркированным членом противопоставления по признаку «известность — неизвестность наличия качественно неидентифицированного Y у X»: она употребляется и для передачи информации о наличии Y у X в тех условиях, в которых не может быть использована конструкция «у X есть Y» (см. об этом ниже). Напротив, предложения, построенные по модели «у X есть Y», выступают в качестве маркированного члена рассмотренной оппозиции.

3. Информация о наличии Y у X может быть истолкована как сообщение о том, какой Y имеется (находится) у X при условии, что наличие каче-

⁵ Л. В. Щерба, О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, в кн: В. А. Звегинцев, История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, М., 1960.

ственно неидентифицированного Y не предполагается заранее. Такое истолкование позволяет увидеть, что информация о том, какой Y имеется (находится) у X , входит в значение обеих анализируемых конструкций. По этому компоненту значения конструкции «у X есть Y » и «у X Y » противопоставлены тем синтаксическим моделям, которые выбираются, когда цель речи — сообщить, у какого именно X находится Y или какому именно X принадлежит Y . Например, предложение *У меня Маша* показывает, кто находится у X , а предложение *Маша у меня* — где находится Y ⁶. Ср. также фразы: *Эта книга моя* и *У меня есть эта книга*; только первая из этих фраз может служить ответом на вопрос *Чья эта книга?* (ср. описание подобных различий в терминах актуального членения).

Анализируемые конструкции не имеют в своем значении признака существования, если понимать под этим признаком информацию о приписании Y свойства «быть реальностью» (а не фикцией, вымыслом). Эта последняя информация, которую мы обозначим знаком Ex_1 , входит в содержание предложений, построенных по моделям «у X есть Y » и «у X Y », лишь в качестве исходной, заданной, предполагаемой общим контекстом высказывания. Об отсутствии компонента Ex_1 в значениях самих конструкций говорит, в частности, возможность их употребления в предложениях типа: *Ты счастливее. У тебя есть Мария* (выбор имени собственного показывает, что о существовании Y было известно заранее). Однако анализируемым моделям можно, по-видимому, приписать признак Ex_2 , содержание которого составляет информация о том, что Y находится в пространстве S , или, иными словами, что положение Y может быть задано координатами пространства S , если употреблять слово «пространство» в широком смысле и считать, что оно обозначает не только физическое пространство, но также — качественное пространство, пространство ситуации и т. д. При таком понимании признака Ex_2 его можно выделить в значениях локативных конструкций, а также в значениях многих экзистенциальных и некоторых посессивных конструкций⁷. Эти конструкции различаются между собой, в частности, в зависимости от того, о каком именно пространстве идет речь. Анализируемые синтаксические модели чаще всего несут информацию о нахождении Y в качественном пространстве, т. е. о наличии Y среди элементов некоторого множества, которое мы будем обозначать буквой M . Эти конструкции предполагают также, что множество M является параметром X , т. е. связано с X тем или иным отношением. Представление о том, элементом какого именно множества является Y , определяется значением слова, обозначающего Y , и общим контекстом. Например, слово *дочь* в предложении *у меня есть дочь* показывает, что речь идет о наличии Y среди элементов множества «родственники автора речи», а слово *слабость*, употребленное в предложении *Она любила Анну, но ей приятно было видеть, что и у нее есть слабости* (Толстой, Анна Каренина), позволяет отнести Y к множеству «свойства данного лица». Информация о нахождении Y в пространствах другого типа возникает, как правило, тогда, когда есть специальный член предложения, обозначающий описываемое

⁶ Отметим, что указанная зависимость между порядком слов и информацией может нарушаться при произнесении предложения с особой интонацией.

⁷ В лингвистической литературе уже отмечалось, что признак, обозначенный в данной статье знаком Ex_1 , не соответствует содержанию многих экзистенциальных конструкций (см.: Ch. K a h n, The Greek verb *to be* and the concept of being, «International journal of language and philosophy», 2, 3, 1966. В статье Ч. Кана указывалось также, что эти конструкции обычно ассоциируются с пространственными представлениями. В большинстве случаев, однако, экзистенциальные и посессивные конструкции типа анализируемых здесь описываются через признак Ex_1 . См., например: E. C l a r k, Location: A study of the relations between «existential», «locative» and «possessive» constructions, «Working papers on language universals», 3, Stanford University, 1970.

пространство (см. ниже). Исключение составляют, по-видимому, только предложения типа *У меня Мама*, которые сообщают о нахождении *У* в пределах некоторого физического пространства.

В дальнейшем мы в основном будем рассматривать информацию о наличии *У* в множестве *М*, хотя большинства сделанных ниже утверждений справедливо для всех случаев употребления анализируемых моделей.

4. Информация о наличии *У* в множестве *М*, связанном с *Х* тем или иным отношением, лежит в основе второго признака, различающего конструкции «*у Х есть У*» и «*у ХУ*»: конструкция «*у Х есть У*» сообщает о том, что *У* входит в такое множество *М*, которое имеет или может иметь одновременно с *У* и другие члены. Напротив, конструкция «*у ХУ*» не несет информации о том, что число элементов *М* обязательно, хотя бы потенциально, больше *У*.

Соответствие выделенного компонента действительности подтверждается тем, что конструкция «*у Х есть У*» не употребляется, если *Х* не может иметь других членов того класса, которому принадлежит *У*. Например, нельзя сказать: *У Коли есть горб* (горб не рассматривается как часть тела человека и не является одной из точек отдельного параметра: у человека обычно не бывает больше одного горба). Ср., напротив: *У верблюда есть горб* (горб — часть тела верблюда) и *У горбатого человека есть горб* (горб — неприменная составная часть горбатого). В конструкции со словом *есть* не могут также стоять определения, сужающие класс, к которому принадлежит *У*, таким образом, что *У* превращается в единственного представителя этого класса у *Х*. Так, в контексте: *Он нам нужен. У него есть фантазия* нельзя добавить определение к слову *фантазия*, поскольку в этом случае *У* стал бы восприниматься не как член множества «способности данного лица», а как член множества «фантазии данного лица», что абсурдно, если речь идет о способности, а не о результате, продукте этой способности. Подобно этому нельзя сказать: *У него есть острый ум, У него есть интеллигентные родители, У него есть голубые глаза*, поскольку эти предложения предполагают возможность существования⁸ у *Х* и не *У* (неострого ума, неинтеллигентных родителей, неголубых глаз).

Таким образом, конструкция «*у Х есть У*» сообщает не только о наличии *У* у *Х*, но и о том, что *У* соотносится с таким параметром *Х*, на котором лежат или могут лежать одновременно с *У* и другие точки.

Напротив, конструкция «*у ХУ*» сообщает об отношении *У* к *Х*, взятом изолированно: она не предполагает наличия или возможности наличия у *Х* и других членов того класса, которому принадлежит *У*, т. е. *М* может быть равно *У*. Возможность реализации данной информации является достаточным условием для выбора конструкции «*у ХУ*»: эта конструкция употребляется и тогда, когда наличие *У* у *Х* известно заранее, и тогда, когда о нем сообщается в высказывании. Поэтому можно сказать: *У меня тоска, У него умная дочь, У него богатая фантазия* и т. д.

Разница в информации конструкций «*у Х есть У*» и «*у ХУ*» влияет не только на их синтагматические связи и на особенности денотативной отнесенности, но и на условия из употребления, связанные с целью высказывания. Так, например, если цель высказывания заключается в том, чтобы перечислить все предметы, составляющие обстановку комнаты, выбирается конструкция «*у ХУ*». Например: *У меня в комнате стул, стол и два шкафа*. Напротив, если цель высказывания — сообщить о том, что *У* входит в число предметов, составляющих обстановку комнаты (неважно, является ли перечисление исчерпывающим или нет), употребляется конструкция

⁸ При истолковании анализируемых конструкций слово «существование» употребляется в значении *Ех₂*.

со словом *есть*: *У меня в комнате есть стул, стол и два шкафа*. Ср. также: *У него только одно серьезное заболевание. Это невроз* (множество «серьезные заболевания данного лица» тождественно Y) и *У него есть только одно серьезное заболевание. Это невроз* (из множества тех серьезных заболеваний, которые мог бы иметь X , в действительности существует только одно указанное заболевание). Последнее предложение обычно выбирается, если цель высказывания — опровергнуть явное или неявное предположение о том, что у данного лица много серьезных заболеваний.

В некоторых контекстах об отношении Y к X упоминается в связи с каким-либо другим событием. При этом выбирается конструкция «у X Y », если цель высказывания — сообщить о связи или зависимости этого другого события от отношения Y к X : способность X иметь и другие объекты, принадлежащие к тому же классу, что и Y , в данном случае несущественна. Например: [Дантес]: *Я женился на ней из-за вас, с одной целью — быть ближе к вам. Да, я совершил преступление. Бежим* — [Пушкина]: *У меня дети* (Булгаков, Последние дни; напоминание о детях служит здесь для указания на причину, препятствующую побегу); *Что тридцать рублей, ваше превосходительство. У меня детишки...* (там же); *Надо, чтобы жена принесла свое, а муж — свое. У меня служба — у нее связи и маленькие средства* (Толстой, Война и мир).

Однако если зависимость второго события от отношения Y к X воспринимается как самоочевидное следствие и цель высказывания заключается в том, чтобы сообщить или напомнить о существовании Y у X , выбирается конструкция со словом *есть*. Например: *У меня есть уши. Я не могу не слышать; У меня есть глаза, я сама давно видела... и только ждала его приезда, чтобы объясниться* (Чехов, Рассказ неизвестного человека). Очень часто одни и те же денотативные ситуации могут быть описаны через обе анализируемые конструкции. Например: *У меня есть дети. Я должна работать и У меня дети. Я должна работать*.

В большинстве условий употребления конструкция «у X есть Y » сообщает о том, что множество M может, но не обязательно имеет и другие члены, кроме Y . Однако некоторые предложения, построенные по данной модели, предполагают обязательное существование и других членов множества M , которые, скорее всего, составляют большую часть этого множества. Противопоставленные им предложения, образованные по модели «у X Y », показывают, что Y равен или скорее всего равен M . Например: *У нее есть седые волосы* (т. е. меньшая часть волос седая) и *У нее седые волосы*⁹ (т. е. все или скорее всего все волосы седые); *У меня есть хорошие студенты* (т. е. не все студенты автора речи принадлежат к категории хороших студентов) и *У меня хорошие студенты* (т. е. скорее всего все студенты автора речи хорошие); *У нее есть интересные книги* (т. е. некоторые из имеющихся книг интересные) и *У нее интересные книги* (т. е. скорее всего все книги интересные); *У него в отделе есть хорошие биохимики* и *У него в отделе хорошие биохимики*. Заметим, что анализируемая информация реализуется и в других конструкциях, которые могут оформляться со словом *есть* и без него. Например: — *Напрасно. Здесь есть хорошенькие. А молодому человеку стыдно не танцевать* (Тургенев, Отцы и дети). Слово *есть* в приведенном примере также показывает, что лишь некоторые дамы данного города хорошенькие. Ср. *Дама здесь прехорошенькие*. Таким образом, в рассматриваемых предложениях утверждение о существовании Y предполагает одновременно существование и не Y (\bar{Y}): неинтересных книг, неседых волос, плохих студентов и т. д. Мы не проанализировали

⁹ Это предложение не несет рассматриваемой информации, если оно употреблено в контексте, предполагающем непосредственное обнаружение Y : *Ой, посмотри! У него седые волосы* (Y либо равен, либо меньше M).

всех условий реализации данной информации. По-видимому, она актуализируется в тех предложениях, в которых Y обозначен существительным множественного числа, имеющим определение, при условии, что наличие у X элементов множества M заранее известно и число этих элементов достаточно велико (совокупность биохимиков данного отдела, библиотека данного лица и т. д.).

Итак, предложения, построенные по модели «у X есть Y », сообщают о том, что Y входит либо в такое множество M , которое имеет и другие члены, либо в такое множество M , которое по крайней мере может иметь и другие члены.

Имеются, однако, некоторые условия, при которых конструкция «у X есть Y » теряет компонент « M больше Y ». Первое из этих условий составляет употребление местоимений *кто, что, кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь*, которые вообще не могут использоваться в конструкции «у X Y ». Например: *У вас есть с кем оставить детей?*; *У вас кто-нибудь, есть?*; *По-моему, у него кто-то есть*. Во-вторых, компонент « M больше Y » не входит в значение конструкции «у X есть Y », когда она используется для передачи информации о том, что Y у X все-таки есть. Эти предложения служат возражением на явное или неявное предположение о том, что Y не существует. Например, можно сказать: *У нее все-таки есть небольшой горбик*; *У вас есть небольшое нагноение*; *У него все-таки есть небольшая опухоль*. Подобные предложения не могут включать определения типа *большой, сильный*. Для введения этих определений требуется добавление особого предложения. Например: *У него есть опухоль. Больше того, она большая*.

5. Выделение смысловых признаков, определяющих различие конструкций «у X есть Y » и «у X Y », не исчерпывает тех проблем, которые встают при семантическом описании этих конструкций. Основная трудность заключается в том, что внеязыковая действительность далеко не всегда однозначно расчлняется при рассмотрении ее под углом зрения выделенного признака. Так, в некоторых денотативных ситуациях отсутствие у X других членов того класса, которому принадлежит Y , может считаться нормой. Такие ситуации обычно описываются через конструкцию «у X Y ». Например: *У него опухоль*, а не: *У него есть опухоль* (отсутствие опухолей воспринимается как норма); *У него синяк*; *У него собственный дом* (обычно можно иметь только один собственный дом). Однако если контекст показывает, что в данном случае X имеет или мог бы иметь не только Y , предложение может быть построено по модели «у X есть Y ». Например, при перечислении можно сказать: *У него есть еще синяк под правым глазом*; *У него есть собственный дом в Туле*.

Таким образом, восприятие денотативной ситуации как такой, в которой Y не составляет отдельного параметра X , а является лишь одной из точек того или иного параметра, зависит от того, насколько часто объекты того же класса, которому принадлежит X , имеют одновременно больше одного элемента того класса, в который входит Y .

Формально членами одного класса могут считаться объекты, которые объединены хотя бы одним общим свойством. Однако при интуитивном восприятии действительности, отраженном в речевой деятельности, учитываются значимость, удельный вес, устойчивость этого общего свойства или свойств. Вследствие этого конструкция со словом *есть* обычно не употребляется, если речь идет: 1) о том или ином заболевании; 2) о чувстве, ощущении, испытываемом в описываемый момент времени; 3) о событии; 4) об объектах, объединенных с X временной пространственной связью, а также о предметах, составляющих одежду X в описываемый момент времени. Во всех перечисленных случаях связь между Y и другими подоб-

ными ему элементами воспринимается как временная, несущественная и потому недостаточная для объединения различных объектов в некоторое единство. Однако имеются условия, которые делают возможным использование конструкции со словом *есть* для обозначения перечисленных выше отношений. При указании на заболевание описываемого лица таким условием может быть употребление обобщающего слова, значение которого исчерпывается информацией о принадлежности Y к классу болезней. Например, можно сказать: *У нее есть только одно серьезное заболевание. Это невроз*, хотя нельзя построить предложения типа: *У нее есть только невроз* или *У нее есть еще катар верхних дыхательных путей*, несмотря на то, что контекст предполагает существование или возможность существования одновременно с Y и других болезней данного лица.

При описании отношения между предметом и местом его нахождения (конструкция «у X в S есть Y ») слово *есть* может быть употреблено, если S является местом постоянного нахождения Y , местом его хранения, а также если контекст показывает, что в S находится не только Y . Например: *У меня в комнате есть стул; У меня в кармане есть ключ*. Напротив, нельзя сказать: *У меня в руке есть ключ*¹⁰. Последнее предложение допустимо лишь при перечислении предметов, которые X держит в руке: *У него в руке есть еще ключ*. При перечислении всех предметов, которые X имеет в данный момент (например, и в руке, и в сумке, и в кармане), конструкция со словом *есть* используется, если речь идет об однородных предметах или о предметах, которые осмыслиются как достояние, «богатство» X . Например: *У меня в руке есть еще одна конфета*.

Если Y представляет собой лицо, конструкция «у X в S есть Y » употребляется также тогда, когда S воспринимается не как местонахождение, а как некоторая функционально-пространственная система, членом которой является Y . Например: *У нас в квартире есть дети дошкольного возраста; У меня в этой больнице есть знакомый*¹¹. Последнее предложение можно построить, если речь идет о лице, работающем в данной больнице. Напротив, это предложение нельзя употребить, если говорящий хочет сказать, что его знакомый лежит в больнице: больные не считаются членами системы «данная больница».

Со словами, обозначающими чувства, ощущения, события конструкция со словом *есть* регулярно употребляется только тогда, когда их денотаты осмысливаются как постоянные психологические качества X или как возможности, имеющиеся в S . Например: *У нее по крайней мере есть чувство страха* (т. е. среди прочих психологических качеств X есть чувство страха); *У меня в жизни есть только одна радость. Это моя дочь; Она никогда не жалуется, но я хорошо знаю, что у нее есть большое горе; У нас в институте есть занятия по английскому языку; У нас есть прекрасные морские купания*. Указание на одновременную реализацию нескольких однородных событий обычно недостаточно для того, чтобы предложение со словом

¹⁰ Эту особенность употребления можно объяснить не только выделенным признаком, но также — информацией о наличии тесной, существенной связи между Y и S . Осталось невыясненным, существуют ли такие особенности употребления, которые зависели бы только от этой информации. Во всяком случае очевидно, что она не всегда входит в значение конструкции «у X есть Y » и в большинстве случаев не влияет на возможность употребления этой конструкции.

¹¹ Поскольку в рассматриваемых предложениях Y представлен как член системы S , эти предложения могут быть использованы только тогда, когда связь между Y и S воспринимается как более тесная или во всяком случае не менее тесная, чем связь между Y и X . Поэтому нельзя, например, сказать: *У меня в этой больнице есть сын. У меня в квартире есть дети дошкольного возраста*, если в данной квартире живет только семья автора речи.

есть неполностью соответствовало языковой норме¹². Например, все опрошенные (10 человек)¹³ считали фразы *У меня сегодня есть еще одна радость*; *У меня есть еще одно несчастье* не совсем правильными. Построение предложения по модели «у X сегодня есть Y» со словами *занятие, урок, консультация, операция* может быть обусловлено также тем, что Y рассматривается как одна из точек временного отрезка, обозначенного словом *сегодня*. Например: *У вас сегодня есть консультация?*; *У меня сегодня есть еще одно занятие*.

Таким образом, объединение различных объектов внеязыковой действительности в один класс, принятое в данном языковом обществе, не определяется однозначно свойствами этих объектов.

Из приведенных выше примеров было видно, что денотаты одних и тех же слов могут рассматриваться — в зависимости от общего контекста или от реализующегося в данном контексте значения этих слов — как члены разных классов. Укажем еще на некоторые случаи соотнесения обозначаемых одного и того же слова с разными параметрами X. Денотат выражения *мания величия* может интерпретироваться и как определенное психическое заболевание и как склонность, наклонность данного лица. При описании ситуации первого типа конструкция со словом *есть* не употребляется. Напротив, вторая ситуация может быть обозначена предложением, построенным по модели «у X есть Y» (Y является одной из психологических особенностей X). Денотат слова *дом* может рассматриваться и как член множества «собственность данного лица» и как член множества «местожительство данного лица». При первом осмыслении можно употребить конструкцию со словом *есть*. Например: *Он вовсе не беден. У него есть дом, сад и достаточное количество денег*. Напротив, если речь идет о местожительстве, конструкция со словом *есть* обычно не используется. Исключения составляют только предложения, употребленные в контексте, который показывает, что описываемое лицо имеет возможность жить в разных местах. Например: *Он снимает у нас квартиру, но у него есть собственный дом*.

Не только общий контекст, но и различные синтаксические средства, используемые для расширения предложения, могут показывать, точкой какого именно параметра представлен в данном тексте Y. Например, в предложении *У него страсть к музыке* нельзя добавить слово *есть*, поскольку словосочетание *к музыке* заставляет воспринимать Y прежде всего как член множества «отношение данного лица к музыке», которое не может иметь других членов, кроме Y. При опущении этого словосочетания появляется возможность построить предложение по модели «у X есть Y». Например: *У него есть только одна страсть. Это страсть к музыке*.

6. Область денотации конструкций «у X есть Y» и «у XY» часто перекрещивается с денотативными классами других синтаксических моделей. Например, можно сказать: *Она молода, Она молодая, У нее есть молодость; Она страстно любит музыку, У нее страсть к музыке; Она живет в отдельной квартире, У нее отдельная квартира* и т. д. «Конкуренция» с другими синтаксическими моделями приводит к появлению конфигуративных ограничений в использовании анализируемых конструкций, а иногда способствует также развитию дополнительных смысловых признаков. Так, эти

¹² Повторение чувства, ощущения или повторение того или иного события не может служить основанием для выбора конструкции со словом *есть*: эта конструкция предполагает возможность одновременного существования нескольких членов множества M. Поэтому нельзя, например, сказать: *У нас есть интересные разговоры; У нее часто есть головные боли* и т. д. Для описания подобных ситуаций используются другие языковые средства и, в частности, конструкция «у X бывает Y»

¹³ О методике исследования см.: О. Н. Селиверстова, указ. соч.

конструкции употребляются для описания отношения между свойством и его носителем либо тогда, когда не существует соответствующего прилагательного (например: *У нее есть одно удивительное качество; У нее есть недостатки*), либо тогда, когда говорящий хочет передать информацию о том, что описываемое свойство составляет особое достояние, преимущество *X*. Например: *Ну, о чем вам горевать? У вас (есть) молодость, красота, здоровье*. Развитие этого дополнительного признака связано, по-видимому, с тем, что информация об отношении собственности, входящая в семантический объем анализируемых конструкций, переносится на другие типы отношений и приобретает при этом оценочно-экспрессивный характер.

Информация об отношении собственности может, по-видимому, играть роль различительного признака анализируемых конструкций и в других случаях. Ср., например: *У нее маленький домик* и *Она живет в маленьком домике; У нее есть отдельная квартира* и *Она живет в отдельной квартире; У нее есть муж* и *Она замужем; Почему ты режешь бритвой? У меня в ящике есть ножницы. Возьми их* и *У меня в ящике лежат ножницы. Принеси их мне*.

*

В статье наиболее полно были рассмотрены те признаки, которые определяют различия конструкций «*у X есть Y*» и «*у X Y*». Было показано, что смысловое содержание этих конструкций различается по двум признакам: конструкция «*у X есть Y*» сообщает (1) о наличии *Y* у *X*, причем предполагается, (2) что *Y* является одним из ряда однородных объектов, которые имеет или может иметь *X* («*M* больше *Y*»). Напротив, конструкция «*у X Y*» необязательно вносит информацию о наличии *Y* у *X*; она может употребляться для указания на то, какой именно *Y* имеется у *X* (наличие качественно неидентифицированного *Y* заранее известно). Эта информация реализуется в тех условиях, в которых выбор конструкции «*у X Y*» не диктуется отсутствием компонента «*M* больше *Y*» (т. е. общий смысл контекста не противоречил бы утверждению, что «*M* больше *Y*»). В других условиях конструкция «*у X Y*» может сообщать о наличии *Y* у *X*, но, в отличие от модели «*у X есть Y*», она не несет сведений о том, что *Y* обязательно является лишь одним из множества однородных объектов, которые имеет или может иметь *X*. Были также выделены условия, в которых конструкция «*у X есть Y*» теряет компонент «*M* больше *Y*», и условия, в которых эта конструкция сообщает о наличии *Y* в таком множестве *M*, которое не только может иметь и другие элементы, кроме *Y*, но и фактически имеет их.

Менее полно были рассмотрены компоненты значения, общие для анализируемых синтаксических моделей, а также те дополнительные стилистические, конфигуративные и, возможно, смысловые признаки, которые входят в значение конструкций «*у X есть Y*» и «*у X Y*» лишь при некоторых конкретных лексических наполнениях (были отмечены только признаки, реализующиеся при существительных, обозначающих качество).

Полученные результаты показывают, что выбранный путь исследования позволяет выявить все, что должен знать говорящий, чтобы иметь возможность правильно употребить языковой знак в речи при условии, что денотативная ситуация уже определена¹⁴. Выделенные признаки

¹⁴ Возможность правильного употребления языковой единицы в речи зависит не только от знания языка, но и от того, что говорящий знает о денотате. Если говорящий имеет неправильные сведения об объекте описания, он может выбрать языковые знаки, передающие о нем ложную информацию. Очевидно, что подобные случаи неправильно-го употребления не должны учитываться в лингвистических исследованиях.

действительно «выводятся» (мы пользуемся здесь выражением Л. В. Щербы) из многочисленных особенностей употребления анализируемых конструкций и — в сочетании с правилами описания «двусмысленных» денотативных ситуаций (эти правила были рассмотрены) — позволяют при построении речевого высказывания сделать правильный выбор между конструкциями « X есть Y » и «у X Y », а также между этими конструкциями, с одной стороны, и синтаксическими моделями « Y у X » и «имя + связка + + прилагательное», с другой.

Полученные результаты свидетельствуют также о том, что выбранный путь исследования позволяет описать те факты, которые обычно являются предметом рассмотрения теории актуального членения, а в последнее время — также теории пресуппозиции¹⁵. Проведенное исследование показало также возможность применения метода компонентного анализа к описанию синтаксических моделей.

¹⁵ Об этой теории см., например: Н. Д. А р у т ю н о в а, Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора, ВЯ, 1973, 1.